

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

А. В. Марков

ПОСТМОДЕРН
КУЛЬТУРЫ
И КУЛЬТУРА
ПОСТМОДЕРНА

РИПОД
КЛАССИК

УДК 14
ББК 87.3
М26

Марков, А. В.

М26 Постмодерн культуры и культура постмодерна. Лекции по теории культуры / А. В. Марков. — М. : РИПОЛ классик. — 256 с. — (ЛекцииPRO).

ISBN 978-5-519-64189-0

Постмодернизм отождествляют с современностью и пытаются с ним расстаться, благословляют его и проклинают. Но без постмодерна как состояния культуры невозможно представить себе ни одно явление современности. Александр Викторович Марков предлагает рассматривать постмодерн как школу критического мышления и одновременно как необходимый этап взаимодействия университетской учености и массовой культуры. В курсе лекций постмодернизм не сводится ни к идеологиям, ни к литературному стилю, но изучается как эпоха со своими открытиями и возможностями. В лекциях подробно и ясно объясняются сложные термины, даются примеры использования современных научных методов. Простое и членораздельное изложение позволяет читать эти лекции всем, кто хочет разобраться в том, как устроен современный мир и как дальше будет развиваться мировая культура.

**УДК 14
ББК 87.3**

ISBN 978-5-519-64189-0

© Марков А. В., 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Nota bene	5
Предисловие	10
Лекция 1. Культура университетов и университеты культуры	17
Лекция 2. Теория культуры в поиске предмета	37
Лекция 3. «Исследования культуры»: постмодерная англо-американская программа	66
Лекция 4. Постмодерная идентичность	91
Лекция 5. Происхождение французского постмодерна	111
Лекция 6. Постмодерн как французская мысль	137
Лекция 7. Постмодерн: от критики Просвещения к критике культуры	157

Содержание

Лекция 8. Постмодерн тождеств и различий . . . 185

Лекция 9. Постмодерн: история
в современности 209

Лекция 10. Элитарная и массовая культура:
расклад постмодерна 241

NOTA BENE

Жан Бодрийяр

Вещи не составляют ни флоры, ни фауны. Однако они создают явное впечатление размножающейся растительности или джунглей, где новый дикий человек современности с трудом отыскивает вновь проявления цивилизации. Эти фауна и флора созданы человеком и появляются, чтобы окружить его и проникнуть в него, как в дурных научно-фантастических романах; нужно попытаться скорее описать, какими мы их видим и переживаем, никогда не забывая, что при всей их пышности и изобилии они являются продуктом человеческой деятельности и что они подчинены не естественным экологическим законам, а закону меновой стоимости.

Эдмунд Гуссерль

Что переживание — это переживание чего-либо, например, вымысел — это вымысел кентавра, а вос-

приятие — восприятие «реального» предмета, суждение — суждение о соответствующем положении дел и т. д., — все это относится не к переживаемому факту в мире, в особенности в фактической психологической взаимосвязи, а относится к чистой сущности, постигаемой через идеацию просто как идея. В сущности переживания заключено не только то, что оно есть сознание, но и то, чего сознание оно есть, а также в каком определенном или неопределенном смысле оно есть это. Тем самым и в сущности неактуального сознания заключено то, в какого рода cogitationes следует переводить его посредством обсуждавшейся выше модификации, какую мы называем «обращением принимающего к сведению взора на прежде не принимавшейся к сведению».

Мартин Хайдеггер

Науки суть способы присутствия быть, в которых оно отнесено и к сущему, которое не обязательно оно само. К присутствию, однако, сущностно принадлежит бытие в мире. Принадлежащее к присутствию понимание бытия поэтому равнозначально включает понимание чего-то наподобие «мира» и понимание бытия сущего, доступного внутри мира. Онтологии, имеющие темой сущее неприсутствие размерного характера бытия, сами поэтому фундаментированы и мотивированы в онтической структуре присутствия, которая вбирает в себя определенность доонтологического понимания бытия.

Александр Кожев

Человек является тем единственным в мире существом, которое знает, что должно будет умереть, поэтому можно сказать, что он есть сознание своей смерти: подлинно человеческое существование есть существующее сознание смерти или смерть, осознающая себя. Человек достигает своего совершенства, достигая полноты самосознания, он является конечным по самой своей сущности, только в сознательном принятии факта своей конечности достигает он кульминации своего человеческого существования. Именно полное (дискурсивное) понимание смысла смерти конституирует ту гегельянскую Мудрость, которая завершает Историю, сообщая Человеку полное Удовлетворение.

Жак Деррида

Знаки оказываются чуждыми этому самоприсутствию, которое является почвой присутствия вообще. Раз знаки являются чуждыми самоприсутствию живого настоящего, то их можно назвать чуждыми присутствию вообще (что теперь входит в моду) в интуиции или восприятии.

Жак Лакан

Ибо означающее по самой природе своей всегда предвосхищает смысл и как бы расстилает перед ним свое собственное измерение. Это бывает хорошо за-

метно на уровне фразы, когда фраза эта перед значащим термином обрывается, например: «Никогда я не...», «Всегда получается так, что...», «Быть может, еще...». Она не делается от этого менее осмысленной, и смысл ее тем более навязчив, что вполне довольствуется ожиданием, которое сам провоцирует.

Жорж Батай

Капитализм — это как бы безоговорочное вручение себя вещам, но не задумывающееся о последствиях и не видящее ничего за ними. Для обычного капитализма вещь (продукт или производство) не является, как для пуританина, тем, чем он сам становится и хочет стать; если вещь и находится в нем самом, если он и сам есть вещь, то это как Сатана вселяется в душу одержимого, не знающего об этом, или же как одержимый, не ведая того, сам является Сатаной.

Юлия Кристева

Литературное творение является тем приключением тела и знаков, которое несет свидетельство аффекта — печали как меты отделения и как зачатка символического измерения, радости как меты триумфа, который позволяет мне установиться в универсуме искусственного приема и символа, которые я пытаюсь привести в наилучшее соответствие с моим опытом реальности. Но в то же время литературное творение реализует такое свидетельство в материа-

ле, совершенно отличным от настроения. Оно переносит аффект в ритмы, в знаки, в формы.

Барбара Кассен

Уже в самом утреннем из того, что достигло нашего слуха на всем протяжении западной мысли, присутствует соотнесенность между вещью и словом, которая, строго говоря, выступает в образе отношения между бытием и речью. Мысль, обуреваемая этой соотнесенностью, настолько сбивается с толку, что находит единственное слово, чтобы объявить о ней: *logos*. Данное слово вещает одновременно как имя бытия и как имя речи. Но еще сильнее приводит нас в замешательство тот факт, что, несмотря на такое положение, слово так и не становится предметом опыта — опыта, в котором слово само приходило бы непосредственно к слову соразмерно с этим отношением.

Виктор Кривулин

боюсь я: барт и деррида
не понаделали б вреда
они совсем не в то играют
что мне диктует мой background

ПРЕДИСЛОВИЕ

— Постмодерн? — скажет читатель. — Разве не говорят о нем в нашей стране уже три десятилетия? Разве не включили его во все курсы по гуманитарным наукам, от истории философии, искусства и литературы до социологии и политологии? Наконец, разве не напомнит он о себе, даже если мы пытаемся о нем не думать?

Но одно дело — постмодерн (или постмодернизм, если говорить о системе идей), о котором упомянули по телевизору или в книжном магазине. А другое дело — постмодерн, в котором мы уже живем, независимо от того, как к нему относимся. Древние греки не знали, что они древние; средневековые люди не представляли, что у них на дворе Средневековье, и современники Пушкина едва догадывались, что живут в эпоху Пушкина. Так и мы можем говорить, что нас не интересует постмодерн в искусстве или философии, но мы уже оказались